

Наталья Мусеева

Сестра Дарати

16+

Наталья Моисеева

Сестра Дороти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66735802

SelfPub; 2023

Аннотация

Уильям Роджерс просыпается в незнакомом месте после ранения. Как давно он здесь и почему должен как можно скорее уехать? Что скрывают стены женского монастыря?

Наталья Моисеева

Сестра Дороти

Жив. Главное – жив.

Женские голоса наперебой кружились в воздухе. Голова казалась тяжелой и неподъемной. Мужчина с трудом открыл глаза. Свет из окна ударил в лицо, и он снова зажмурился. Немного привыкнув, он заморгал, пытаясь рассмотреть незнакомое место.

Расплывчатые фигуры быстро передвигались. Их было не много, но эти голоса хотелось приглушить. Одна из фигур подошла ближе и чуть наклонилась.

– Как вы себя чувствуете, мистер Роджерс? – улыбнулась она.

Уильям приподнялся на локтях, потер лицо и увидел перед собой немолодое, но все еще красивое лицо.

– Где я? – спросил он, когда окончательно пришел в себя и разглядел у противоположной стены юных девушек в одинаковых платьях, кружевных воротничках и белых носочках под туфельками.

– Вас ранили, – сообщила женщина, – вы в монастыре Святой Агаты. Это место было самым близким. Поэтому вас сюда привезли.

Уильям хотел подняться, но острая боль сковала ногу. Он простонал и обреченно опустился на подушку.

– А остальные?

– Они ушли, – выпрямилась женщина и поправила платье, – вам нужно отдохнуть. Боль скоро пройдет. К ужину уже сможете спуститься вниз. Девочки вам помогут. А пока поспите.

Женщина изящно махнула рукой, и четыре девушки, стыдливо склонив головы, вышли из комнаты. Они были одеты в черные длинные платья, головы их покрывала белая материя. Судя по всему, они еще не приняли обета.

– Если вам что-то понадобится, позвоните, – женщина посмотрела на колокольчик, лежавший на тумбочке у кровати.

– Как вас...

– Сестра Аббигаил, – ответила она, не дав ему закончить вопрос.

Она покинула комнату, закрыв дверь. Уильям слышал, как стихал стук невысоких каблучков. Нога болела. Повязка была тугой и чистой. Ни капли крови. Видимо, только что перевязали. Сколько времени он здесь? Час? День? Месяц?

Он помнил, что его ранили. Помнил, как товарищи зажимали его рану, перевязывали грязными промокшими от болот тряпками. А дальше... Темнота. Он вздохнул и закрыл глаза. Жив. Слава Богу, жив!

К вечеру стало легче. Нога все еще ныла, но он смог подняться и одеться. Его одежда пахла мылом и свежестью. В комнату постучали. Мужчина пригладил волосы. Ему почему-то хотелось выглядеть хорошо и опрятно.

– Мистер Роджерс, – тоненький писклявый голосок принадлежал одной из послушниц, – сестра Аббигайл велела помочь вам спуститься в столовую, – девушка не смотрела на него, она уперлась взглядом в пол.

– Я справлюсь сам, – улыбнулся Уильям.

– Я провожу вас, – пропищала девушка и вышла из комнаты.

Уильям последовал за ней.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Эмили, – кратко ответила девушка и открыла дверь, ведущую в просторную столовую.

Посреди столовой стояли два длинных стола. Один – для послушниц. За другим сидело несколько монахинь.

– Добро пожаловать, мистер Роджерс, – встала из-за стола сестра Аббигайл, – присаживайтесь, – она указала рукой на свободное место напротив себя.

Уильям сел на стул. Все молчали. Эта тишина казалась ему неловкой и неприятной. Было в ней что-то неуютное.

– Приятного аппетита, – произнесла монахиня, указав взглядом на наполненную тарелку.

Мужчина прочистил горло и приступил к ужину. После того, как окончили трапезу, сестра Аббигайл первой встала из-за стола. За ней поднялись остальные.

– А теперь всем разойтись по кельям. Завтра тяжелый день, – сказала она.

Сейчас лицо ее выглядело не столь красивым, сколько

строгим. Девушки друг за другом, словно одинаковые цыплята, вышли из столовой. И, уверен Уильям, точно также по очереди ступали вверх по лестнице.

Монахини разошлись по своим кельям, а сестра Аббигаил предложила мистеру Роджерсу свою помощь.

– Спасибо, но не стану вас беспокоить и отнимать ваше время. Я в порядке.

– Что ж, – женщина убрала руки за спину, – тогда не буду мешать вам, – она развернулась и направилась дальше по коридору, который, по всей видимости, вел из общей залы в крыло, где располагались кельи монахинь, потому как послушницы жили на втором этаже.

– Сестра Аббигаил, – окликнул ее Уильям, – как долго я здесь?

Монахиня остановилась и обернулась.

– Восемь дней и двенадцать часов.

С такой точностью мог ответить лишь тот человек, который считает минуты до желанной встречи. Но в его случае до скорейшего отъезда. Не дело это – злоупотреблять гостеприимством. Тем более, в женском монастыре.

Уильям посмотрел в окно предоставленной ему комнаты. На улице стояла осень. Нынче она началась раньше обычного. Полуголые деревья покачивались, землю припорошило мокрыми от дождей листьями. Темнело рано. И не всегда было понятно – день сейчас или вечер.

Мужчина прислонился лбом к холодному стеклу и почув-

ствовал приятную прохладу. По словам наставницы, завтра тяжелый день. Хотя у него каждый день был тяжелым, но поспать не мешало бы.

Сон сморил Уильяма почти сразу, как только тот лег в кровать. Таковую же прохладную, как стекло окна. Всю ночь он проспал. Давно не удавалось ему вдоволь насладиться таким долгим и глубоким сном.

Он проснулся от цокающих каблучков в коридоре и хихиканья. Девушки торопились к завтраку. Уильям повернул голову к окну и вздрогнул. Одна из послушниц стояла спиной к его постели.

Мужчина выругался про себя то ли из-за своей пугливости, то ли из-за девчонки, незаметно пробравшейся в комнату. И как давно она здесь стоит и охраняет его и без того крепкий сон?

– Эй, – тихо произнес он, потому как не знал ее имени. Единственной девушкой, с которой он успел познакомиться, была Эмили, но у нее светлые вьющиеся волосы. А у этой каштановые и прямые.

– Давно ты тут? – спросил он, приподнявшись.

Девушка обернулась. Ее глубокие карие глаза радостно сияли. Она улыбнулась, но ничего не ответила и вышла из комнаты. Мужчина заметил на тумбочке букет мелких цветов, чуть тронутых ночным морозом.

Уильям вздохнул. Признаться, его совсем не радовало такое существование. Ни к чему ему охрана. Или сиделка. Или

кем там ее назначили для него. Мужчина спустился вниз. В зале было пусто. Он заглянул в столовую – пусто. И тихо. О, эта отталкивающая тишина! Как же она ему не нравилась.

Он хотел выйти на улицу, но дверь в одном из кабинетов открылась и оттуда вышла высокая худая монахиня с серьезным лицом.

– Мистер Роджерс, – она сложила руки перед собой, – надеюсь, вы себя хорошо чувствуете?

– Да, благодарю. А вы...

– Сестра Хильда, – женщина представилась, но даже не улыбнулась.

По всей видимости, это была мать-настоятельница. По крайней мере, Уильям был в этом уверен.

– Думаю, скоро я смогу уехать.

– Надеюсь. Мужчинам здесь не место, – она была строга, и Уильям чувствовал себя неловко, – но вы ранены.

– Моя рана заживает достаточно быстро благодаря сестре Аббигайл и вашим послушницам.

– Я бы не хотела, чтобы девочки принимали участие в вашем лечении. Им не положено общаться с мужчинами.

– Но они ведь не пленницы, – улыбнулся Уильям, но тут же стер эту глупую улыбку с лица, как только настоятельница бросила на него недовольный взгляд, – вы ведь не держите их взаперти? Они могут, скажем, уезжать?

– Никто не может покинуть монастырь без моего разрешения, – сестра Хильда развернулась, – и будьте добры со-

блюдать наши правила, порядок и тишину, – договорив, она скрылась за углом.

Уильям вышел во двор.

– А, мистер Роджерс, – вытерла рукой пот со лба одна из послушниц, – вам уже лучше?

– Да, – коротко ответил мужчина, ища глазами сестру Аббигайл.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он, глядя на девушек.

– Вот ты где, – появилась из ниоткуда сестра Аббигайл, – а, ну, иди работать! – она была строга, но голос не повышала, однако в нем чувствовался закаленный характер и сила, – помоги Эмили нагрузить тачку.

Девушка из милой кокетки тут же превратилась в прилежную воспитанницу и побежала помогать скидывать листья в маленькую деревянную тележку.

– Я могу помочь, – сообщил Уильям.

– Справимся, – монахиня отряхнула перчатки от прилипших листьев, – без вас же как-то справлялись.

Уильям вновь почувствовал неловкость и свою ненужность здесь.

– Выздоровливайте, – сестра Аббигайл быстро зашагала в сторону девочек, – нет, не сюда! Не сюда, говорю!

День длился целую вечность. Заняться нечем, а отплыть не на чем. Паром приплывал раз в две недели, а то и реже. К ужину все собрались в столовой. Как и всегда, ели молча.

По окончании сестра Аббигайл пожелала всем доброй ночи и направилась в свою келью. Настоятельница с ними не ужинала. Поэтому перед тем, как вернуться в комнату, Уильям заглянул в ее кабинет.

– Сестра Хильда, – вежливо произнес он, – цветы в моей спальне завяли. Убитые морозом, они уже не годны для букетов. Мне бы не хотелось тревожить сестру Аббигайл. Сегодня она, думается мне, устала и без того.

– Какие цветы? – удивилась настоятельница.

– Букет на тумбочке, – объяснил мужчина.

– Вот чертовка! – сквозь зубы прошипела сестра Хильда, – должно быть, это Лиззи. Девушка, с которой вы сегодня говорили во дворе. Я поговорю с ней утром, – женщина начала что-то листать.

– Не стоит, – возразил Уильям, – я не слишком люблю цветы, но если ей приятно...

– Это безнравственное поведение! – вскипела насято-тельница, – и она за него обязательно будет наказана.

– Вы слишком строги, – заметил он.

Женщина бросила на него озлобленный взгляд. Уильям понял, что лучше бы ему держать язык за зубами и больше молчать, чем говорить. Как только паром будет здесь, он навсегда покинет это место, отблагодарив после всех, кто помог ему вновь встать на ноги.

– Сестра, у меня есть еще одна просьба, – он замялся, но решил продолжить, – я бы не хотел, чтобы за мной кто-то

присматривал. Я уже достаточно здоров и могу позаботиться о себе сам.

Женщина смотрела на него, сдвинув брови, отчего на переносице образовалась глубокая морщина.

– Как скажете, – растерянно пожала она плечами.

– Спасибо за гостеприимство, – сказал Уильям и хотел подняться в комнату, но остановился у выхода из кабинета.

– Что-то еще? – настоятельница скрестила руки на груди, высоко подняв голову.

– Почему не все едят в столовой?

– О чем вы, мистер Роджерс?

– Та девушка, которая дежурила у моей постели. Немая, – принялся объяснять мужчина, – я никогда не видел ее за столом.

– Мистер Роджерс, вы что-то путаете, – ответила монахиня, – в нашем монастыре нет немых девушек. И никто не дежурил у вашей кровати.

– Но я видел ее, – он взялся за ручку двери.

– Может, у вас жар?

– Доброй ночи, сестра, – Уильям понял, что спорить и что-либо объяснять бесполезно, и поднялся в комнату.

Цветы вовсе склонили лепестки и потеряли цвет. Но это больше его не волновало. В комнате было пусто. Это и радовало, и огорчало. Уснуть не получалось. Уильям думал о девушке, которой не было и которая одновременно с тем была. Она не могла стать просто сном или плодом его больной

фантазии. После ее ухода остались эти цветы и запах дегтя, которым отстирывали трудные пятна.

Мужчина ходил из угла в угол, потом спустился вниз, освещая себе путь зажженной свечой. В зале пахло мятным чаем. В кресле сидела мать-настоятельница. Ее осунувшееся лицо при тусклом свете выглядело бледным, но мене строгим, чем накануне.

– Тоже не спится? – спросила она, рассматривая плавающие в чашке чайники.

Уильям задул свечу. Огня от камина вполне хватало для освещения. Он сел в кресло напротив и взял с небольшого столика книгу. Он начал листать ее, но это, скорее, от того, что он не знал чем занять себя. Да, ему не спалось. Но провести ночь в компании столь высокомерной леди – перспектива так себе.

– Дороти Кэмпбелл, – сказала настоятельница, продолжая вертеть в руках чашку с чаем.

– Что? – не понял Уильям.

– Девушку, о которой вы говорили, звали Дороти Кэмпбелл, – наконец, она посмотрела на Уильяма, – это случилось двадцать три года назад. Я тогда только приехала сюда, – монахиня устало вздохнула, – родители Дороти погибли. А ее больной брат, – она сделала паузу, – Габриэль не мог обходиться без сторонней помощи. Все решили, что будет лучше разрешить ему жить здесь, пока он не поправится, – женщина поджала губы и снова опустила взгляд.

– А вы?

Настоятельница посмотрела на Уильяма.

– Мальчикам не место в нашем монастыре. Однако мы не могли его оставить на улице. Мы ждали, когда он поправится, чтобы найти для него опекуна, но он не поправился, – монахиня отставила чашку и прикрыла рукой рот.

– Что с ним случилось? – тихо спросил Уильям.

Женщина прикусила губу и посмотрела на собеседника.

– Он с каждым днем угасал. Нестерпимые боли, кашель с кровью, еле слышное дыхание и бесконечные стоны. Духераздирающие стоны! Стены звенели эхом. Этот ужасный крик! – настоятельница выдохнула и продолжила, – это утро было тихим. Девочки, как обычно спустились вниз к завтраку. Все, кроме Дороти.

Уильям отложил книгу и немного подался вперед. Повисло холодком. Должно быть, сквозняки.

– Я постучалась в ее комнату. Но никто не ответил. Я толкнула дверь и... Габриэль не дышал. Он спокойно лежал в кровати. Не двигаясь. Я даже не видела его лица. Его скрывала помятая подушка, окровавленная из-за его непрекращающегося накануне кашля.

– А Дороти? – осторожно поинтересовался Уильям, когда монахиня сделала новую паузу.

Настоятельница снова взяла в руки давно остывший чай. Покрутила его и поставила обратно на столик.

– Она висела посереди комнаты. Ее серые стеклянные гла-

за смотрели на меня. Она так любила его, она так страдала от безысходности. Его мучениям не было конца... Никто не смел ее осуждать. Но все решили, что эта история должна забыться как можно быстрее. Девочкам сказали, что их забрал к себе дядя. А сами без церемоний и могильных плит похоронили их на старом кладбище. Туда все равно никто не ходит, – сестра Хильда поправила шаль на плечах, – эту историю знаю только я и сестра Аббигайл. Обещайте, что отныне ее знаем только мы трое.

Уильям сглотнул. На сердце стало тяжело и мрачно.

– Но... этим утром она ведь приходила ко мне.

Настоятельница усмехнулась.

– Наверное, это ваше воображение разыгралось. Должно быть, когда вас привезли к нам, вы увидели общий портрет в холле. Она там тоже есть. Рядом со мной. Я покажу вам потом. Вот ваш мозг и решил сыграть с вами злую шутку, выдумав призрака или во что там вы верите, – монахиня тихонько засмеялась, но смех ее был невеселым. Горьким и скорбным.

– Я не верю в призраков, – грубо возразил мужчина, – это его комната? – он кивнул куда-то в сторону лестницы.

– Да, вас пришлось поселить в комнате Дороти и ее брата.

Уильям хотел было что-то сказать, но ему не дали произнести и слова.

– Увы, вас не могли разместить в ином месте. Все кельи заняты. И если бы мы переселили кого-то из девочек... вряд ли их родители и опекуны это бы одобрили. А теперь, мистер

Роджерс, прошу меня извинить, но я иду спать.

Настоятельница поднялась с кресла, зажгла свечу от камина и зашагала прочь.

– Обещаю, – крикнул ей вслед Уильям.

Женщина остановилась, но спустя мгновение зашагала быстрее и звонче. Ее съела темнота коридора, и потрясенный Уильям решил вернуться в комнату. Правда, теперь он предпочел бы компанию сестры Хильды, а не блуждающего призрака. Впрочем, в них он не верил. До сего дня...

Спалось чутко. Он то и дело вертелся в кровати, переворачиваясь то на один бок, то на другой. Свет луны не давал сну овладеть им. Стало холодно. Уильям поморщил лоб и почувствовал чей-то взгляд. Он открыл глаза и повернул голову в сторону двери.

Девушка в черном длинном платье и белом покрове на голове, бледная, как стена, смотрела на него печальными большими глазами. Она плавно и медленно начала двигаться к нему. Уильям соскочил с кровати и вытянул руку вперед, опасаясь за свою жизнь. Девушка остановилась в нескольких шагах от него. Ее глаза расширились, а рот еще сильнее сомкнулся.

Мужчина заметил на белой шее синюшные ссадины. Одну руку она прятала за спиной, другой тянулась к Уильяму. Кожа мужчины покрылась мурашками, а волосы приподнялись. Уильям сделал шаг назад. Девушка тихо и неслышно шагнула вперед.

Она почти дотянулась до него. Мужчина врезался спиной в стену. Идти больше некуда. Дыхание сбивалось, а внутри будто все выворачивалось наизнанку. Ее тонкая рука тянулась к его лицу. Еще немного – и она схватит его.

Уильям зажмурил глаза и отвернул голову в сторону, пытаясь прийти в себя и прогнать видение. Он начал молиться, чего никогда не делал. По комнате загуляли сквозняки. И он почувствовал легкое, едва уловимое, прикосновение. Ее холодная рука нежно скользнула по его щеке.

Мужчина открыл глаза. Она все еще была здесь и смотрела на него. Он задержал дыхание. Ком в горле не давал сделать ни единого вдоха. А ужас, сковавший тело, не давал ему пошевелиться. Он вжался в стену. Лишь глаза его могли двигаться. Уильям медленно опустил взгляд и посмотрел на ту руку, что она прятала за спиной.

Девушка улыбнулась и протянула ему маленького потрепанного мишку. Уильям громко сглотнул. Наконец, его тело могло шевелиться. И он взял игрушку из рук девушки. Она указала на кровать. Уильям сел и девушка села рядом. Она пригладила его растрепавшиеся волосы. Легкие прикосновения больше напоминали прохладный осенний ветерок.

Ее лицо освещала желтая луна. Она улыбалась и разглядывала лицо Уильяма, наклонив голову набок.

– Дороти, – тихо произнес мужчина, – это комната твоего брата, но... я – не он.

Лицо девушки изменилось. Улыбка исчезла, губы задро-

жали, а в глазах читались непонимание и страх. Она соскочила с кровати и встала напротив Уильяма, сжав ладони в кулаки и опустив голову. Ее волосы падали на лицо, а взгляд исподлобья не обещал ничего хорошего.

– Я не Габриэль, – мужчина осторожно поднялся с кровати, держа перед собой руки на тот случай, если призрак попытается напасть, – мое имя Уильям.

Девушка стояла неподвижно.

– Ты здесь так долго, – продолжал Уильям, – ты забыла его лицо?

Призрак поднял голову. Из глаз покатались крупные слезы. Они скатывались вниз, падая на платье. Ее взгляд упал на кровать. Она подошла и провела по ней рукой.

– Он страдал. А теперь он свободен от боли. Его здесь нет. И ты должна уйти, покинуть это место раз и навсегда. Оставь прошлое в прошлом. Ты уже давно свободна.

Дороти взглянула на Уильяма. Ее губы продолжали дрожать, а глаза наполняться влагой. Она покачала головой. В окна ударил ветер, и они с грохотом распахнулись. Уильям бросился к ним и быстро закрыл.

– Тебе пора покинуть...

Мужчина обернулся, но в комнате никого не было. Только плюшевый мишка продолжал лежать на смятой кровати – единственное доказательство того, что Уильям не сошел с ума.

Утром прибыл паром.

– Доброго пути, мистер Роджерс, – без сожаления произнесла сестра Аббигайл.

– Я бы хотел попроситься с сестрой Хильдой, – мужчина теревил сумку с провизией, которую ему собрали в дорогу.

– С кем? – переспросила монахиня.

– С сестрой Хильдой, – повторил Уильям.

Сестра Аббигайл недоумевающе смотрела на него, приподняв и изогнув правую бровь.

– Мать-настоятельница, – зачем-то напомнил он.

– Хильда Клоуз убила двоих детей, попавших в беду и оказавшихся здесь, двадцать три года назад и была казнена, – сообщила монахиня, – мать-настоятельница я, мистер Роджерс.

Монахиня поежилась и быстро покинула двор, скрывшись за тяжелыми дверями монастыря.

Уильям поднял глаза и посмотрел в окно комнаты, где ему пришлось провести последние несколько дней.

Хильда Клоуз стояла, гордо выпрямив спину и держа в руках окровавленную подушку. Рядом стояла обреченная Дороти Кэмпбелл, держа худыми руками старого потрепанного мишку.

«Никто не может покидать монастырь без моего разрешения» – прозвучало в его голове...